

Как и выставка в Метрополитен-музее, исследование К. Вейцмана освещает те же основные особенности возникновения византийского искусства и особую роль, которая принадлежала в период сложения его художественных принципов античному наследию. Но К. Вейцман рассматривает эти проблемы только на примере памятников ранневизантийской иллюстрированной рукописной книги. Ученый исходит из того положения, что при изучении первых книг, имеющих форму кодекса, необходимо учитывать длительность античной традиции. Средневековая миниатюра не составляла нового вида искусства, но византийские художники по сравнению с античными ввели иные технические и художественные принципы. В центре внимания миниатюристов в средние века стало оформление Библии подобно тому, как ранее иллюстрировался прежде всего Гомер.

Обращаясь к рукописям IV—VI вв., К. Вейцман отмечает не только использование в них античного наследия, но стремится доказать, что основной чертой этого периода была такая тесная связь всех видов искусства между собой, какой после уже никогда не достигли византийские мастера. В эти годы, как было показано К. Вейцманом и при подборе экспонатов выставки, фрески, иконы и миниатюры свободно влияли друг на друга. От этого периода сохранилось мало памятников, однако их, подобно экспонатам выставки, можно отнести к основным художественным центрам той эпохи Риму, Константинополю, Александрии, Антиохии. Главной особенностью искусства книги этого времени К. Вейцман считает ее «вселенский» характер, который она утратила в дальнейшем. Рукописи последующего периода, которых было создано гораздо больше и которые сохранились несравненно лучше, мы можем отнести к определенным и многочисленным мастерским. В каждом из художественных центров их создания были свои особенности. Того единства художественных принципов, которое характерно для книг раннего периода, после VI столетия уже невозможно найти.

Выставка позднеантичного и ранневизантийского искусства и новая книга К. Вейцмана значительно обогатили наше представление о столь сложном, противоречивом и малоизученном периоде культуры Византии, каким являются III—VII столетия.

В. Д. Лихачева

А. Е. Καραθανάσης. 'Η Φλαγγίνειος σχολή τῆς Βενετίας. Θεσσαλονίκη, 1975

В истории греческой культуры послевизантийского периода важная роль в деле образования греков, сохранения традиций греческой культуры, формирования национального самосознания принадлежит основанным в XVI—XVII столетиях греческим учебным заведениям Рима, Падуи и Венеции. Видное место среди них занимает Флангиниевская школа, открытая в Венеции в 1665 г. и просуществовавшая (с перерывом в конце XVIII—начале XIX в.) до начала XX в. Основанное на средства Фомы Флангиниса (1578—1648), выдающегося деятеля греко-венецианской истории, руководителя экономической, политической и культурной жизни греческой общины в Венеции в первой половине XVII в., это училище в XVII—XVIII столетиях стало *alma mater* для сотен молодых греков Ионических островов, Крита, Кипра, Константинополя, Афин, Пелопоннеса и других городов и островов порабощенной Эллады. Тесно связанная с римской Греческой коллегией св. Афанасия и Падуанским университетом, Флангиниевская школа была тем учебным заведением, которое не только давало своим ученикам среднее образование, но и вводило их в европейскую науку, приобщало к достижениям итальянской культуры, а для некоторых выпускников явилась промежуточной ступенью на их пути к высшему образованию. Многие преподаватели и воспитанники Флангиниевского фронтистирия были видными деятелями греческой истории XVII—XVIII вв. — профессорами европейских университетов, преподавателями национальных учебных заведений на Балканах и в России, активными участниками церковной борьбы, издателями и исследователями греческих рукописей.

Рецензируемая книга А. Каратанассиса посвящена истории Флангиниевской школы. Нельзя сказать, чтобы эта тема оставалась до сих пор без внимания специалистов, однако работа Каратанассиса является первой монографией, в которой на основе анализа многих сотен документов таких богатейших хранилищ Венеции, как

Государственный архив, Греческий институт византийских и послевизантийских исследований, Марчианская библиотека и др., изучения печатной продукции центров греческой диаспоры XVII—XIX вв., а также обширной специальной литературы, исследующей судьбу греческой культуры послевизантийского периода, детально воссоздана история основания и долголетней жизни Флангиниевского училища.

Книга состоит из трех частей: I. Основание и деятельность школы; II. Эволюция и значение школы; III. Замечательные воспитанники Флангиниевского училища. В Приложении впервые публикуются важнейшие документы, относящиеся к основанию и деятельности Флангиниевского фронтистирия.

Опираясь на сведения многочисленных документов, А. Каратанассис последовательно рассматривает основные факты биографии Фомы Флангиниса, определяет его интересы и место в греко-венецианской культурной среде первой половины XVII в., а также анализирует экономическое состояние его семьи, позволившее в конечном счете выделить значительную сумму на основание в Венеции греческого православного училища, которое после настойчивых усилий самого Флангиниса и продолжавших его дело руководителей венецианской греческой общины было открыто 7 августа 1665 г. В сентябре того же года Реформаторы Падуанского университета, на которых главным образом было возложено по завещанию Флангиниса управление училищем, составили его устав. Сравнивая 26 статей этого устава с правилами, определявшими деятельность трех других греческих учебных заведений того времени — папской Коллегии св. Афанасия и падуанских училищ Палеокапы и Коттуниановского, автор приходит к выводу, что, хотя Флангиниевская школа создавалась как своего рода православный противовес католической Коллегии св. Афанасия, устав последней явился прототипом для организации венецианской школы; кроме того, распорядок жизни Флангиниевского училища был создан с учетом практики функционировавшего с 1653 г. Коттуниановского училища. В книге подробно рассмотрены вопросы об управлении Флангиниевской школой (с. 69—73), экономической основе ее жизни (с. 73—78), прослежена история постройки специального здания для училища (с. 78—85).

Возникшее в недрах венецианского греческого братства, Флангиниевское училище на протяжении своего существования было теснейшим образом связано с его жизнью, интересами; находясь в зависимости от братства как одного из организаторов своей деятельности, училище приносило ему большую пользу, отовсюду привлекая к венецианской общине греков, многие из которых способствовали росту ее экономического значения, а также воспитывая для братства, для существовавшей при нем с конца XVI в. Греческой школы преподавателей: А. Каратанассис убедительно показал, что многие преподаватели этой школы, особенно в XVIII в., были воспитанниками Флангиниевского училища (с. 85—89).

Исключительно важной является III глава первой части книги — «Деятельность школы» (с. 90—224): в ней собран богатый материал о преподавателях Флангиниевского училища (биографии 18 профессоров, преподававших здесь с 1665 по 1797 г.), об игравших большую роль в его внутренней жизни префектах (список 34 префектов за тот же период 1665—1797 гг. и биографические сведения о них), об экономах школы, заботившихся о быте студентов, и, наконец, о воспитанниках училища — архивные материалы позволили А. Каратанассису восстановить список 517 студентов, прошедших через это учебное заведение за указанные выше 132 года его функционирования, а приведенные в этом списке сведения о происхождении воспитанников и времени их обучения в школе послужили надежной основой для выводов о связях Флангиниевского училища с греческим миром, для наблюдений о притоке в Венецию молодых греков в зависимости от политической ситуации в Восточном Средиземноморье. Кроме того, в III главе детально рассмотрена программа обучения во Флангиниевском фронтистирии, прослежена судьба его библиотеки, восстановлена картина религиозной жизни этого учебного заведения.

Положение о выдающейся роли Флангиниевского училища в истории греческой культуры эпохи туркократии иллюстрируют биографии замечательных его воспитанников XVII—XVIII столетий (с. 249—284). Среди них мы видим крупных филологов, издателей, философов, писателей, врачей, преподавателей высших и средних учебных заведений (Падуанский университет, Греческая школа в Венеции, академии Молдо-

валахии, Славяно-греко-латинская академия в Москве и др.), людей, осуществлявших культурные связи стран греко-православного мира как между собой, так и с европейскими государствами.

Монография А. Каратанассиса привлекает читателя богатством содержания, обилием фактов (во многих случаях — совершенно новых), добытых из документов, скрупулезностью и последовательностью в изучении своей темы, обоснованностью выводов.

Книга содержит интересный материал и для историка греческо-русских культурных связей.

1. В архиве Греческого института византийских и послевизантийских исследований в Венеции А. Каратанассисом обнаружена копия письма Фомы Флангиниса от 28 июня 1642 г. к царю Михаилу Федоровичу с просьбой о материальной помощи для реставрации дворца Фоскарини, в котором, как справедливо заключает автор, Флангинис предполагал открыть свою школу (с. 51). Этот документ важен не только потому, что его подлинник в делах Посольского приказа в Москве, в фонде «Сношения России с Венецией» (ЦГАДА, ф. 41), не сохранился, но и потому, что он — наряду с такими памятниками, как *Παρηγοία* греческой церкви св. Георгия и послание 1656 г. Герасима Влаха к Алексею Михайловичу с призывом об освобождении греков¹, — является еще одним свидетельством тесных связей греческой общины Венеции с Россией в 40—50-х годах XVII в.²

2. В своей книге (с. 266—271) и в вышедшей после этого статье³ А. Каратанассис, основываясь на документах венецианских архивов и существующих печатных изданиях и исследованиях, реконструирует биографии Афанасия Кондоидиса и Афанасия Скиады, двух видных греческих деятелей на русской службе: первый был воспитателем детей Кантемира, преподавателем Славяно-греко-латинской академии, членом синода русской церкви, епископом вологодским и белозерским, затем — суздальским и юрьевским; второму мы, помимо его активной деятельности как преподавателя академий в Москве и Петербурге, обязаны первым описанием греческих рукописей Синодальной и Типографской библиотек. Материалы русских архивов, относящиеся к периоду жизни указанных лиц в России, остаются до сих пор неизученными, и книга А. Каратанассиса побуждает продолжить начатое им исследование.

Б. Ф.

¹ Греческий текст послания неизвестен. Его русский перевод в списке начала XVIII в. недавно исследован Д. К. Уо; см.: Уо Д. К. «Одолоение на Турское царство» — памятник антитурецкой публицистики XVII в. — ТОДРЛ, 1979, т. XXXIII, с. 88—107.

² См. интересное исследование, рассматривающее вопрос о связях Венеции, греческого мира и России в XVII—начале XVIII в.: *Σκλαβενίτης Τ. Ε. Χρηματολογικὸ εἰκονογραφημένο μονόφυλλο τῶν ἀρχῶν τοῦ 18ου αἰῶνα*. — *Μνήμων*, 1978, 7, с. 46—59.

³ *Karathanassis A. E. Contribution à la connaissance de la vie et de l'oeuvre de deux grecs de la diaspora: Athanasios Kondoidis et Athanasios Skiadas (18e siècle)*. — *Balkan Studies*, 1978, 19, № 1, p. 159—184.